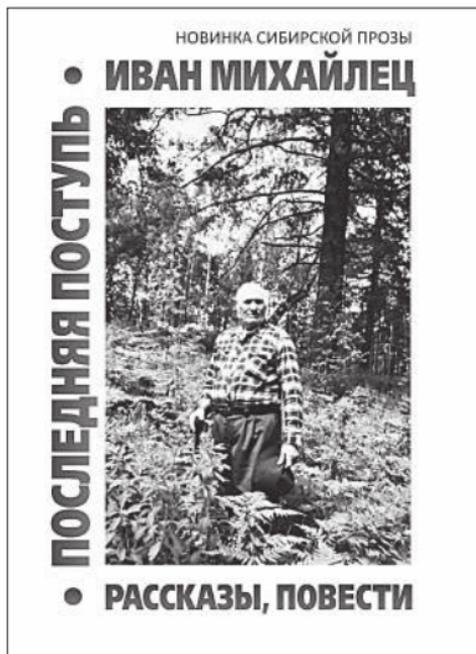

Общее впечатление от книги — чувство нарастающего восхищения от великолепного слога, размера и стиля в совокупности с уникальным историческим материалом и его связью с людьми, а главное — в рассказах масса исторической информации по городу и краю. Перед нами книга нашего друга по «Столбам», писателя Ивана Филипповича Михайлеца.

На днях вышла рецензия Сергея Котельникова («НЕЛ» № 4/2018) в связи с выходом этой книги. Общий отзыв положительный, но — формулировки накатанные,

уклончивые, и ни одной попытки конкретного анализа. Явно Котельникова обуревают страхи перед Иваном Филипповичем сказать что-то существенное, или не хватает знаний. А творчество Михайлеца — это очень интересный мир образов, увлекательных диалогов, сцен, удивительный народный юмор. Мир разнообразной фактуры (природной, городской, промышленной), отношений людей и мыслей. У него нет прямой философии, как бы сказать — академической, есть намёк на философию, тем самым он даёт возможность читателю самому пофилософствовать, порассуждать.

Рассказы, насколько я понимаю, написаны не для слаборазвитых умов, а достаточно начитанных, наблюдательных. Такой подход к творчеству многого стоит. Например, посёлок Первого Августа: мало кто знает весь трагизм сноса посёлка, мало кто из живущих знает историю посёлка, а И. Михайлец подробно описал. Согласитесь со мной, это история Красноярска. При этом Михайлец, сознавая свой талант, не только очень критически

отзывается о самом себе, но и просит конкретной критики от товарищей по литературному цеху, что соответствует традиции, заложенной Пушкиным, Салтыковым-Щедриним, Астафьевым, — подходить к собственному произведению критически. Л. Н. Толстой писал: «Автор должен любить и ненавидеть своих героев в своём произведении; если у него нет подобного качества, такой автор не является писателем». У автора в «Последней поступи» ярко выражены любовь и ненависть.

Сергей Котельников привёл одно интересное полуфилософское высказывание Михайлеца: «...Размышляя о глупом, ненужном, отжившем, я думаю, что и я не исключение... Думаю, что делаю умные выводы. А время показывает, как я глупо мыслил, понимал, видел ...» Уважаю эту честную позицию мастера, которую он очень умно и деликатно проецирует не только на себя.

В рамках этой личной концепции и где-то даже традиции приоткрылась возможность слегка покритиковать этот сборник Михайлеца.

Я обратил внимание, что в ряду великолепных рассказов особо стоит «На острове Татышев». В нём автор пробует реализовать принцип художественной правды за счёт усложнения композиции на основе перемещения действия с одного острова на другой, из прошедшего переместить читателя в настоящее. При этом, на первый взгляд, возникает неопределённость жанра, но когда читаешь, вдумаешься, начинаешь понимать совсем по-другому. До третьего абзаца — как бы рассказ, а затем, когда действие начинает влиять на временную нить, или, если сказать точнее, временная грань начинает влиять на действие, то и повествование пытается сменить жанр: типа, вот-вот начнётся новелла или трилогия. Но этого не случается, и кажется, что сюжет уже поломался, из-за специфичной фактуры, не согласной с жанром, как бы потерялась взаимосвязь действия и сюжета, частей и целого и форма самого целого тоже. С одной стороны, это неплохо, так как автор дал возможность читателю заглянуть за грань и увидеть сцену типа: «когда б вы знали, из какого сора...» — ну и так дальше по Ахматовой. Но, с другой стороны, всё-таки возникает ощущение, заставляющее вспомнить шум города, жару и настроение людей у пыльной придорожной остановки... Интересный авторский приём. Что-то типа мантры, когда имеет значение не смысл слов, а размер (российские лингвисты эту методику называют «нейролингвистическим программированием»).

Дважды прочитывал это место, и дважды ощущение возникало вплоть до неприятия описанных условий, но в этом

месте побеждает автор саркастическим юмором, и начинаешь соглашаться с описанными условиями. Тут-то и приходит на ум Гоголь: только он мог так писать в своих произведениях.

И с третьей стороны, иной читатель вообще может предположить, что произошёл сбой психологии авторского действия или редакторской процедуры. Творческая идея у писателей реализуется по другому принципу, не как у строителей, возводящих дом по готовому плану, а как факт появления плана в результате самого процесса творческого труда. Писатель Александр Астраханцев, по слухам, не устоял от того, чтобы не озвучить своё критическое замечание в рамках выше обозначенной традиции.

Мне кажется, именно из-за непонимания творческого процесса. Я всегда критиканов современных понимал так: если пишущий пишет не так, как пишет критикующий, значить, его надо задавить, он не должен находиться в богеме писательской. Попробуйте рассмотреть творчество Ивана Филипповича в масштабах всей русской литературы, и вы найдёте в его рассказах всех русских писателей. С одной стороны, как бы есть намёк на развал композиции, но с другой стороны, у такого мастера, как Михайлец, это невозможно просто по определению.

Всё, что следует за «Татышевом» — в высшей степени великолепно. Например, «Деревня Холодный Родник», «Павел Иванович» и другие. Я думаю, что «Татышев», по задумке, был не совсем обычным рассказом. Ну а А. И. Астраханцев, наверное, в спешке рутинной текучки осерчал на некую возникшую по ходу невнятицу, дальше читать не стал и озвучил свою укоризну по первой эмоции, заготовленным штампом, согласно процедуре.

Вот не зря я попросил у Ивана дать книгу мне в читку, когда узнал, что у него редактор — женщина. У них глаз реагирует на «тонкие косяки» не совсем адекватно. Но, видно, попросил неубедительно, без напора. Как бы то ни было, на суд читателей вышел сборник рассказов «Последняя поступь» в первом издании, и, я думаю, не зря Иван Филиппович потрудился, порадовал замечательными произведениями читателей.

Поверьте мне, книга «Последняя поступь» — очень увлекательная, о ней можно написать много интересного — и отрицательного, и положительного. Гоголя в своё время критики костерили в хвост и в гриву, только Белинский отозвался положительно.